

TS $\frac{5231}{209}$

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

საგვ-2000
მეცნიერებათა

1367.684
2

საქართველოს
სტამბოლო

ШОТА РУСТАВЕЛИ

(1174—1212).

Посвящается светлѣйшему князю Давиду Багратовичу Грузинскому).

I.

Название Шота—есть чисто грузинское, весьма древнее, довременное исторіи, какъ и само племя грузинское. Этого имени нѣтъ въ свитцахъ христіанскихъ, и не было обязательнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, при крещеніи давать имена святыхъ, прославленныхъ церковію. Очень часто грузины, уже временъ христіанскихъ, при второмъ рожденіи духовномъ отъ св. купели (такъ выражалась грузинская церковь, согласно выраженію вселенской церкви) получали имена

TS 5231
209

29 სტრ.

героическихъ эпохъ народа, и очень часто же эти имена, по высотъ христіанской жизни лицъ, ихъ носившихъ или ради принимаемыхъ ими за церковь и христіанское отечество мученическихъ вѣщцовъ, освящались благодатию духовною для сыновъ церкви, ихъ прославившей. Такъ явились въ грузинскомъ христіанскомъ царствѣ имена Або, Раждена, Арчила, Кетевани и другія. Таково и имя прославленнаго вѣками поэта Шоты Руставели. Изъ именъ, такимъ образомъ образовавшихся, однѣ вписаны въ святцы грузинской церкви, другія остались или въ книгахъ церковныхъ, неизданныхъ (*), или въ преданіи народа и племенъ его, еще не вполне объясненномъ.

Осталось неизвѣстнымъ и то, подъ какимъ именемъ поэтъ, обладатель мощный земного слова вступилъ въ тишину немолчнаго небеснаго слова въ Иерусалимъ—исходищъ вѣчнаго, для всего рода человѣческаго, слова.

(*) См. мое соч. „Описаніе древностей г. Тифлиса“, стр. 162—163.

II.

Неизвѣстно и то, въ какому семейству и роду принадлежалъ поэтъ. Названіе *Руставели* дано ему отъ мѣста его рожденія. Гдѣ же *Рустави*? Въ ахалцихской области, положительно отвѣчаетъ предисловіе къ русскому изданію 1840 года «Барсовой кожи». Но въ этой области нѣтъ ни города, ни села, ни мѣста, извѣстныхъ подъ именемъ Рустави.

Рустави—есть названіе древняго города грузинскаго царства, извѣстнаго въ древности подъ именемъ *Бостанъ-калаки*. Царь Тирдатъ (около 450 г.) построилъ въ немъ великолѣпную церковь. Царь Вахтангъ (въ 480 г.) сдѣлалъ ее кафедральною, поставивъ епископа подъ титуломъ *руставскаго*. Въ это же время прорытъ тотъ знаменитый каналъ отъ р. Куры, который, давъ новое названіе городу, и проходя городъ, орошалъ всю нынѣшнюю караязскую степь. Городъ этотъ имѣлъ обширное населеніе подъ именемъ 7 племенъ, кочевавшихъ лѣтомъ въ знойные мѣсяцы, южнаго здѣсь лѣта. Онъ существовалъ до царя Давида V.

При немъ монгольскій полководецъ Берка разорилъ его въ 1260 году и кафедра епископа, съ названіемъ руставскаго, перенесена въ Марткопи, подъ сѣнь святого одного изъ сирійскихъ отцевъ, Антонія Марткопскаго.

III.

Здѣсь—въ этомъ городѣ зимняго временнаго пребыванія царей жилъ и пѣлъ пѣсни славной царицы. Мѣсто его пѣснопѣній сохранило ему месхійцу имя и прозваніе *Руставскаго* или *Руставели*.

И такъ Руставели—пѣвецъ царицы Тамары, былъ родомъ месхъ (мосохъ) изъ того племени, котораго названіе древнее, временъ библейскихъ, эпохи вѣщаній пророковъ, звучитъ въ классической *Мухетъ* или *Месхетъ* Страбона, Птолемея, Плинія и др., съ ея вѣрностію *Армастика* (Армазисцихе), которой названіе уцѣлѣло въ искаженномъ народномъ названіи ущелья и рѣчки *Алмасис-цкали* и *Алмасисъ хеви*.

Царь Ираклій I въ 1670 году возстановилъ тамъ дворець, который разломалъ царь Вахтангъ VI въ 1718 году, возобно-

вивъ каналъ древній для остатка населенія татаръ отъ временъ Чингиса. При географѣ Вахуштѣ мѣсто это именовалось городищемъ подъ названіемъ Нагеби (ნაგებო). Шахъ-Надиръ въ 1730 году выселилъ въ Персію это малое населеніе. Мѣсто опустѣло. Малая башня у начала или истока древняго канала, подъ татарскимъ названіемъ Ришкала, почти однозначущаго съ грузинскимъ словомъ Рустави, какъ Лотовъ столпъ, служитъ печальнымъ памятникомъ славнаго прошедшаго, пѣвца, его прославившаго и до нашихъ дней, до успій, возсоздать его къ пользѣ современной (**).

IV.

О Шотѣ Руставели извѣстно только то, что онъ учился въ Аѳинахъ, зналъ языкъ персидскій и былъ казнохранителемъ царицы Тамары. Поэма его доказываетъ знакомство его и съ тѣмъ и другимъ языкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ зналъ и арабскій

(**) Подробныя свѣдѣнія объ этой мѣстности принадлежатъ «Древней географіи Грузіи», которая пишется; о 7 же племенахъ ея древняго населенія я уже писалъ.

языкъ, въ его время сильно распростра-
ненный на востокъ, Единственный языкъ
для наукъ, которыя нашли убѣжище при
дворѣ калифовъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ,
что Руставели могъ учиться упадавшему
греческому языку и въ Аѳинахъ, распадав-
шихся для наукъ, и въ Родосѣ, въ кото-
ромъ только въ эту эпоху процвѣтали на-
уки по системѣ неоплатониковъ, и въ мо-
настыряхъ—аѳонскомъ, олимпійскомъ (улу-
мбійскомъ въ устахъ и подъ перомъ гру-
зинскихъ писателей) и въ Иерусалимѣ, гдѣ
явились обители, строенныя грузинскими
царями и куда тысячами направлялись гру-
зины и до, и послѣ крестовыхъ походовъ.
Такъ и по сказанію современныхъ европей-
скихъ писателей.

V.

Тимоѳей митрополитъ грузинскій въ
XVII вѣкѣ видѣлъ въ Иерусалимѣ, въ цер-
кви св. креста, строенной грузинскими ца-
рями, и могилу его, и портретъ его на
стѣнѣ храма въ власяницѣ подвижника. Для
поэта тѣсенъ міръ. Онъ паритъ къ выс-
шимъ мірамъ, къ безконечности. Таково

требование духа человеческого, неограничиваемого пространством и временем. Отъ идеала земной красоты, имъ воспѣваемой, онъ парилъ къ идеалу небесной красоты; отъ идеала земной любви—возвышался онъ къ идеалу любви небесной; истина земная вела его умъ высокій къ истинамъ небеснымъ; чувства и ощущенія сердечныя указывали ему на мѣръ высшихъ ощущеній. Счастье земное предполагало спокойствіе безоблачное. Такое настроеніе поэта видно изъ словъ его, изъ афоризмовъ его пѣснопѣній.

Поэтъ отдался религіи, и нашелъ идеалы истины, добра и красоты въ христіанствѣ и пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона. Съ этой стороны поэтъ Руставели выше мрачнаго Байрона, чище Тасса, свѣтлѣе Петрарки и нравственнѣе Мильтона и Данте. Онъ плавалъ по океану міра и міровъ, неимѣвшихъ пристани. Онъ отыскалъ эту пристань для думъ и ощущеній своихъ высокихъ у подножія креста. Отъ дня водруженія этого креста надъ міромъ, нѣтъ болѣе страданій, нѣтъ болѣе тайнъ, надъ разгадкою которыхъ, къ счастью рода

22. Счастье
118. 118.

человѣческаго, мучился умъ человѣческій. Въ Іерусалимѣ, единственномъ убѣжищѣ идеаловъ, окончилъ онъ жизнь, и воспарилъ къ небесамъ. Отсюда, какъ свѣтлой точки небеснаго для всего міра безсмертія, началось его земное, временное и небесное, вѣчное безсмертіе. Слава Сіона земного покрыла его память славою Сіона небеснаго.

VI.

Въ продолженіи многихъ поколѣній духъ генія Руставели носился благодатно и плодovито надъ царствомъ грузинскимъ. Списки его поэмы явились во всѣхъ домахъ дворянъ. Я видѣлъ три древніе списка, писанные лучшими каллиграфами. Самый древній на пергаментѣ, но неполный, въ полулистъ, былъ въ рукахъ имеретинскаго князя полковника Григорія Церетели. Онъ былъ писанъ крупными круглыми буквами гражданскаго письма. Рамки страницъ были разрисованы красными чернилами. Четыре оконечности этой рамки красовались фигурами фризованными въ восточномъ затѣйливомъ вкусѣ. Полагаю, что рукопись эта писана для царя или царственной осо-

бы. Второй экземпляръ на лощеной бума-
гѣ, принадлежавшій царю Александру (1443)
видѣлъ я у дворянина Николая Еліозова,
древній родъ котораго всегда былъ слу-
жебнымъ при дворѣ католикосовъ—патріар-
ховъ грузинскихъ, большею частію проис-
ходившихъ изъ царскаго дома. Третій эк-
земпляръ съ надписью принадлежности его
царю Вахтангу Шахъ-Наозу (въ 1678 г.)
находился въ рукахъ царевны Ѳеклы Ира-
кліевны, скончавшейся въ 1846 году.

Рукопись эта писана очень красиво, но
съ ошибками правописанія по мѣстамъ. По
ней, съ тою же орѳографіею, явилось изда-
ніе 1712 года. Она вся раскрашена или
иллюстрирована картинами сценъ поэмы, въ
видѣ политипажныхъ изданій. Эти картины
писаны грубо, безъ тѣней, по системѣ пер-
сидской живописи.

Фронтисписъ украшенъ портретомъ Ру-
ставели въ костюмѣ персидскомъ, съ сохра-
неніемъ частію и типа древняго грузинска-
скаго костюма. Рукопись эта была достав-
лена мною великому, въ лицѣ грузинской
литературы, всемірному меценату, князю
М. С. Воронцову. Мудрый правитель, въ

дѣлѣ покровительства наукамъ сочувствовавшей къ плодамъ движенія ума, къ пользѣ челоѳчества, велѣлъ скопировать портретъ народнаго генія, какъ генія науки—всемирнаго достоянія. Онъ передалъ портретъ этотъ находившемуся въ то время въ Тифлисѣ ученому французу Флери для изданія въ Парижѣ. Открывшаяся война помѣшала исполненію желанія свѣтлѣйшаго князя. Имѣвшійся же у меня экземпляръ того же портрета, въ прошломъ году доставилъ я въ Москву свѣтлѣйшему князю Д. Б. Грузинскому, собирателю и просвѣщенному оберегателю рѣдкостей и древностей отечества его и его царственныхъ предковъ.

Мелкіе умы не поняли цѣли, съ которою князь М. С. Воронцовъ поощрялъ меня и другихъ къ сочиненію новыхъ и изданію древнихъ книгъ, полезныхъ не для края только, но для міра и науки вообще. Дикари—есть вредные члены общества. Только люди, облагороженные науками, достойны именоваться полезными членами семейства рода челоѳческаго. Этихъ послѣднихъ прославляетъ исторія; ихъ боится деспотъ какъ дикарь, непосвященный въ тайинства

небеснаго помазанія, которымъ запечатано
человѣчество.

VII.

Поэтъ Руставели не занялъ ни стили, ни
предмета для своей эпопеи, ни способа из-
ложенія, ни у одного изъ греческихъ или
римскихъ писателей. Предметъ его поэмы
есть подражаніе роману или разсказу рыца-
рей, занятому у арабовъ, отъ двора кали-
фатовъ восточныхъ, единственныхъ въ его
время стражей умственныхъ и литератур-
ныхъ произведеній и сокровищъ человѣче-
скаго ума.

Самое названіе „Барсова кожа“ есть уже
персидское. Извѣстно изъ Шахъ-Наме или
исторіи царей, что древніе персы до вре-
менъ Хосроя послѣдняго, одѣвались въ ко-
жу барса. Этотъ обычай есть остатокъ
отъ эпохи ихъ постоянной борьбы съ ди-
вами мнѣ или что тоже съ исполинами
исторіи. Руставели, конечно, былъ знакомъ
съ поэтами древними персидскими и индѣй-
скими, для насъ большею частію потерян-
ными. Но онъ самъ, именуя свое твореніе
переводомъ съ персидскаго, хотѣлъ подѣ

сгромными словами названія „Барсовой ко-
жи“ и „перевода съ персидскаго“ скрыть
высокое значеніе своего генія, создавашаго
оригинальную поэму во всѣхъ ея подро-
бностяхъ, какъ и въ цѣломъ, сохранившую
свою самостоятельность: свойство генія—
смиреніе, въ которомъ только и заключает-
ся истинное величіе.

VIII.

Въ стихахъ его образцовыхъ, до нынѣ
неподражаемыхъ, является эпопея рыцар-
ства востока, война и любовь. Прелести
его разсказа трогательнѣе пастушескихъ
разсказовъ Теокрита. Въ немъ больше эле-
гии и нѣжностей, чѣмъ въ Тибуллѣ. Разска-
зы приключеній выше и интереснѣе, чѣмъ
Амадиса.

IX.

Европа, уже христіанская, справедливо
гордится именами трехъ поэтовъ эпичес-
кихъ, которые въ средніе вѣка были тѣмъ
же, чѣмъ Гомеръ для греческаго олимпа.
Это Данте, Тассъ и Мильтонъ, но они были
подражателями другъ друга. Одинъ удруга-
го предшественника занималъ способъ из-

ложенія, Руставели раньше ихъ запѣлъ свою пѣснь и былъ ея творцемъ, прославилъ языкъ и обезсмертилъ его для потомства.

Не боюсь осужденія, если со всею смѣлостію скажу, что языкъ Руставели выше, чѣмъ языкъ Данте, Тасса, и Мильтона. Теченіе словъ и мыслей въ пареніи поэта— не видитъ препятствія ни въ раѣмахъ, ни въ предметахъ разсказа, ни въ эпизодахъ. Поэтъ одинаково и ровно паритъ. Гораций сказалъ о Гомерѣ: *quandoquidem et divus Homerus dormiat* (иногда и божественный Гомеръ спитъ). О Руставели сказать этого нельзя. Лира его пѣснопѣній всегда и одинаково звучитъ. Муза его, диктовавшая ему мысли о любви, героизмѣ рыцарства и жизни человѣчества, не давала себѣ отдыха.

Поэты древняго міра не обходились безъ теогоніи древней, безъ религіи мифъ, и потому, касаясь боговъ и вѣры и оскорбляя и боговъ и вѣру, оскорбляли народы. Самъ безсмертный Данте, уже поэтъ христіанскаго міра, не избѣгъ этого паденія нравственнаго. Руставели чуждъ этого порока, и потому безсмертный Платонъ, изгоняя

поэтовъ изъ своей республики, далъ бы высокое мѣсто Руставели въ созданномъ своемъ государствѣ—утопiи высокой.

X.

Въ высокомъ паренiи своемъ на крыльяхъ словъ текучихъ, гибкихъ, послушныхъ для его рiемъ, сами по себѣ являющихся, онъ является по мѣстамъ философомъ, объяснившимъ какъ Шекспиръ, жизнь и ея проявленiя въ обществѣ человѣческомъ и вообще въ природѣ. Грузiа есть страна поэзiи. Роскошное царство пшеницы и винограда творило поэтовъ. Его подвиги въ христіанской и политической жизни, изумлявшей востокъ и западъ, всегда находили предметы для эпоеи. Въ борьбѣ съ врагами и вѣры и политики, проникнутой христіанствомъ, какъ лучшей стороною его гражданственности, не знало усталости, унынiя. Пѣсни и Пинда и Сiона настраивались на лиръ священной сердца сыновъ скипетроноснаго народа.

XI.

Поэма эта образцовая, отъ дня рожденiя своего или появленiя сдѣлалась руковод-

ствомъ для поэтовъ. Клики пѣснопѣннй поэта эхомъ быстрымъ отразились во всѣхъ сердцахъ. И тогда, какъ и теперь, поэма эта сдѣлалась предметомъ бесѣды, удивленія и изученія для литераторовъ, изыскомъ любви, усладою женскихъ сердець, истолковательницею чувствъ глубокихъ, вѣрныхъ. Ее твердили и повторяли въ городахъ, въ замкахъ вельможъ, въ хижинахъ поселанина, въ палатахъ царей и вокругъ трона. Звуки словъ и выраженій отборныхъ образовали ту музыку, которая трогала и слухъ и сердца. Философія и краснорѣчіе одинаково красуютъ высокія мысли поэмы—святилица литературнаго. Это—святиня, воздвигнутая поэтомъ народу на основаніяхъ высокаго значенія, достойнаго и небесъ и земли, святости любви.

Поэма эта является въ народѣ телескопомъ его души. Все отдаленное, все тайное въ чувствахъ и ощущеніяхъ сердца, все высокое въ мысляхъ разума и разсудка, рельефно и какъ бы наглядно изобразилось подъ перомъ и кистию поэта. Онъ воплотилъ эти идеи чувства, морали, религіи въ выраженіяхъ краткихъ, но сильныхъ.

Онъ имъ, какъ скрывающемуся въ порохѣ огню, далъ силу пламени и свѣта. Таково слово грузинское подь перомъ Руставели, сокрушившемъ эту печать тайны литературнаго народнаго сокровища, онъ окрылилъ его для высокихъ истинъ и указалъ имъ воздухъ и атмосферу, какъ стихію ихъ широкаго, всеобщаго для всего народа плаванія. Идеи о любви, красотѣ, героизмѣ, доблестяхъ, разсѣялись по этой умственной атмосферѣ, которую вдыхали обитатели страны волшебной, разнообразіемъ во всемъ лучшимъ красовавшейся, подь правленіемъ царицы мудрой, святой, блиставшей не только красотой тѣлесною, но душевною, христіанскою, выше всѣхъ царицъ, замѣченныхъ по красотѣ исторію міра.

Святость народной книги выразилась въ святости словъ благодарныхъ, обращенныхъ къ Богу, вдохновителю святости его цѣснощій. Это видно въ первыхъ же строкахъ строфъ. Таково настроеніе поэта, среди народа настроеннаго Богомъ въ святыхъ идеяхъ христіанства, возвышавшаго его, какъ фarosъ на высотахъ христіан-

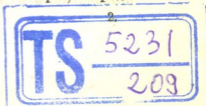
скаго Кавказа, надъ царствами нехристианскими вокругъ себя.

Слава Руставели—выше славы всѣхъ царей и полководцевъ, оставившихъ послѣ себя ту память безсмертія въ сердцахъ цѣлаго народа, которую не оставили послѣ себя Хосрой и Издигерды, Помпей и Чингисы. Громы ихъ побѣдъ — часто стыдъ челоуѣчества, иногда ненависть исторіи. Плоды трудовъ народнаго поэта — любовь къ нему народная, дань уваженія къ нему ума челоуѣческаго.

Такой плодъ умственнаго подвига не есть принадлежность одного народа, великаго или малаго, но есть достояніе всего челоуѣчества. Имена великихъ людей, къ какому бы семейству рода челоуѣческаго они не принадлежали, помогавшихъ ходу челоуѣчества произведеніями ли умственными или по искусствамъ—записываются въ лѣтописяхъ міра. Тамъ ихъ мѣсто: тамъ воздвигается имъ памятникъ. Это—ихъ несокрушимый Пантеонъ.

ХІІ.

Поэма къ славѣ царицы Тамары, народа

и языка, дошла до наших дней, по рукописямъ время паденія литературы. Она издана въ 1712 году, лишенная орфографіи древней, чистой по правиламъ грамматики. Искаженная въ правописаніи, подверглась новому искаженію при изданіи въ 1840 и далѣе годахъ. Въ нее внесены и такіа четырестишія, которыя не дѣлають чести перу писателя. Время, безъ сомнѣнія, очиститъ эту смѣсь и возстановитъ древній текстъ. Этому исправится ошибка издателей и поправителей поэмы и поэта. Но мы не желаемъ Руставелю той участи, которой подверглись пѣсни Гомера во дни временнаго паденія литературнаго вкуса въ Аѣнахъ. Въ Аѣнахъ во дни паденія вкуса явились два текста Иліады и Одиссеи. Исправитель подлинника былъ въ одно и то же время книгопродавцемъ. Поэтъ Иліархъ входитъ къ книгопродавцу и спрашиваетъ: есть ли сочиненіе Гомера? на вопросъ книгопродавца: какого текста вамъ угодно? Иліархъ (такъ въ грузинскихъ книгахъ, а не у Плутарха) отвѣчаетъ: развѣ есть и другой текстъ Гомера? Есть, считающійся подлинникомъ и исправленный мною. За

этотъ трудъ исправленія получили ли вы какую награду отъ Аеннянъ—спрашиваетъ Илархъ. Никакой—отвѣчаетъ книгопродавецъ. Молодой поэтъ даетъ ему пощечину, и говоритъ: вотъ тебѣ и награда!

ХІІІ.

Руставели пѣвецъ царицы Тамары, былъ настроенія духовнаго. Онъ доказалъ это остатками жизни своей, посвященной монашеству, слезамъ и покаянію у подножія Голгофы въ Іерусалимѣ. Отъ временъ отца поэтовъ до Байрона участь поэта—страдать и пѣть.

Струны сердца безъ ощущенія страданій не издають звуковъ. Поэзія есть крикъ. Она не звучитъ, если не трогается сердце. Чѣмъ сильнѣе эти удары, тѣмъ звучнѣе этотъ крикъ, эти клики сердца. Впечатлѣнія отъ богатствъ природы, отъ развитія умственнаго и нравственнаго произвели то вдохновеніе, которое выразилось на бумагѣ такъ сладко и упоительно. Широкая, пространныя и обширная атмосфера края красоты Азіи, въ подножіи живописнаго Кавказа—есть богатая сокровища

вищница для ума и воображенія. Геній чер-
паетъ изъ этого океана красотъ ощущенія
сильныя, всестороннія. Отъ этого богат-
ства разнообразія происходятъ мысли поэта
свѣтлыя, вѣрныя и ясныя. Дойти до искус-
тва писать, чтобъ каждое выраженіе, каж-
дая фраза получила значеніе афоризма силь-
наго, впечатлительнаго—это дѣло генія.
Читатель, упоенный обиліемъ такихъ мыс-
лей, восторгающихъ, воодушевляющихъ,
воспламеняющихъ душу, самъ паритъ съ
поэтомъ по высотамъ парнаса. Къ сожа-
лѣнію, онъ останавливается тамъ, гдѣ какъ
бы враждебно поэту, вѣка народнаго упад-
ка, отступили отъ его буквъ текста или
исказили слово, въ которомъ воплощалась
его высокая мысль. Эти измѣненныя буквы
и слова въ рукописи недавней и печати
поздней, есть и будутъ занозою поэмы. Въ
пареніи съ поэтомъ мы спотыкаемся какъ
путникъ по неочищенной и неровной
дорогѣ.

XIV

Откуда возникло это свѣтило первой ве-
личины въ грузинской литературѣ? Руста-
вели не могъ быть Минервой, родившеюся

изъ головы Юпитера, какъ символъ ума Божія. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ предшественниковъ и образцы, сталъ на почвѣ литературы, имѣвшей въ переводахъ съ сирскаго и халдейскаго пророковъ, священной лирѣ которыхъ уступалъ и Гомеръ. Въ V вѣкѣ мы уже видимъ стихи величайшаго поэта Давида въ его псалмахъ и новый заветъ до нынѣ неизмѣненный въ оборотахъ и идиомѣ языка греческаго. Сочиненія Василія Великаго въ переводѣ грузинскомъ, краснорѣчю котораго новѣйшіе критики писателей христіанской философіи отдаютъ первое мѣсто въ званіи оратора передъ Демосѣеномъ и Цицерономъ, уже были знакомы уму и слуху грузинскихъ писателей еще съ VI вѣка. Поэты рождаются (Poetae nascuntur). Руставели, рожденный поэтомъ, нашелъ вокругъ себя цивилизованный народъ, вѣнценосныхъ царей, героевъ и героинь дѣлъ и славы, плававшихъ по кровавымъ слѣдамъ на кораблѣ царства, усѣяннаго цвѣтами и лаврами краснорѣчя создаваемаго языка. Пѣснопѣнія церкви—есть поэзія народа. Воспѣвая своихъ мучениковъ, она должна была создать и лиру въ стѣнѣ

священныхъ храма, къ удовольствію массы, торжествовавшей и въ частной жизни, и въ чертогахъ царей, въ палатахъ вельможъ, въ хижинахъ крестьянъ; у гроба на пути въ вѣчность, въ дверяхъ жилищъ и домовъ, праздновавшихъ пиръ свадебный и веселіе домашняго очага. Царственный народъ не плачетъ: рыдаютъ и воютъ рабы тираниіи. Музы, символы вдохновенія, не бѣгутъ и не прячутся отъ сердець, дышущихъ жизнию. Онѣ боятся трупа. Прячутся до его возрожденія и перерожденія въ новую жизнь.

XV.

Цивилизація высокая въ краѣ въ эпоху его поэта—не была только матеріальною, но par excellence нравственною. Ученые политики говорятъ, что только въ соединеніи той и другой стороны состоянія народа и заключается истинная цивилизація. На этомъ основаніи больше гражданственности въ сказаніяхъ евангелія, аксіомахъ философіи и строфахъ поэта, пустившихъ глубокіе корни въ памяти народной, вошедшихъ въ плоть и кровь массы, чѣмъ въ вещахъ, наполняющихъ кристальный дво-

рець Лондона отъ всемірной выставки. Никакія машины не произведутъ идей, ни чувствъ, двигающихъ народы и царства къ славъ и счастію. Онъ есть руки человѣчества, но не душа. Слово только, какъ мысль души воплощенная, есть машина истины—полна свѣта, религіи, нравственности, прекраснаго и всего лучшаго. Словомъ—какъ выраженіемъ души только и измѣряется и опредѣляется степень развитія гражданственности.

XVI

Таковъ царь грузинскихъ поэтовъ Руставели въ исторіи литературы и памяти народа. Это не Антаръ степей пустынныхъ Аравіи (VI вѣка христіанской Эры), а Тассъ и Данте XII вѣка въ лѣтописяхъ народа. Онъ живетъ еще въ устахъ живыхъ поселянъ, отдаленныхъ отъ столицы царства.

Въ 1867 г. въ сентябрѣ былъ я позванъ въ гости въ сел. Базалети, звучное своимъ значеніемъ въ исторіи Грузіи, на свадьбу. Любопытство мое узнать пиръ брачный небогатаго поселянина привело меня въ изумленіе: глава семейства обширнаго, уже въ

лѣтахъ, но незаставшаго уже царя послѣдняго, сталъ прерывать рѣчи наши эпизодами изъ Руставеля. Я объяснилъ это сначала случайностію, по наслышкѣ отъ дворянъ въ его молодости, принадлежавшихъ двору царей по службѣ. Потомъ и скоро, угощая насъ и раздѣляя нашу трапезу, сталъ болѣе и болѣе произносить не афоризмами стихи поэта, а строфами цѣлыми въ разгарѣ воображенія, уже воспламененнаго съ полнымъ пониманіемъ значенія словъ и мыслей, декламировалъ ихъ употребительно для насъ, малаго круга знакомыхъ съ изящнымъ въ словѣ и съ символами его на письменахъ. Оказалось, что импровизаторъ высокой словесности народа, зная по наслышкѣ устно строфы пѣвца и сочувствуя имъ, незнакомъ съ письмомъ. Онъ же объяснилъ мнѣ, что нѣтъ вокругъ его деревни, незнакомой съ именемъ Руставели.

Безсмертный пѣвецъ царей, героевъ, подвиговъ, судебъ народа, красотъ природы, вѣры въ безсмертіе, догматовъ жизни, движенія сердець, путей къ небесамъ—ты живъ еще на всѣхъ углахъ прославленнаго

тобою отечества. Тебя не убьетъ никто и ничто: исторія вѣчна и безсмертна. Парнасъ исторіи на высотахъ, недосягаемыхъ до духа злобы. Свѣтъ этого парнаса, недоступенъ для духа мрачнаго. Мрачный духъ самъ бѣгаетъ отъ него и только въ мракѣ и темнотѣ буетъ свои узы противъ сыновъ свѣта. *Въ свѣтъ и тьма его не обья!*

XVII.

И такъ слово подъ перомъ и кистию Руставели сдѣлалось сильнымъ и могучимъ. Могущество этого слова произвело то, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя поэзии. Поэты именуются у древнихъ прорицателями (Vates sunt). Что же требовалось отъ пророковъ и вѣщателей? дара и дарованія чувствовать сильно, разсуждать и мыслить здраво, правдиво; знать все, воображать свѣтло, выражаться ясно и могущественно, сообщать съ пріятностію другимъ идеи и убѣжденія въ истинѣ, добру и красотѣ. Имѣть цѣлью предмета добродѣтель, доблести душевныя и тѣлесныя, преданность долгу, героизмъ отечества горя-

чій, мужество правды, свободу человѣческую, которой ищетъ челоѣка отъ дня сего паденія по смыслу безошибочному философіи христіанской или отъ дня паденія челоѣка съ точки его первобытнаго стоянія по предположеніямъ философіи, какъ науки челоѣческой. Руставели съ этой стороны выше Данте, Тасса и Мильтона. Онъ ни на шагъ не отступилъ отъ правилъ эстетики поэзіи, гнушающейся отступленія отъ началъ нравственности, отъ философіи благоговѣйной, отъ религіи, соображенной съ самими высокими и свѣтлыми началами, достойными божества.

XVIII.

Отъ чего же Руставели геній поэзіи заслужилъ гнѣвъ и укоръ другого генія духовнаго, великаго своими твореніями, католика Антонія, назвавшего его въ своихъ эпиграммахъ ямбическихъ *всуе и тщетно потрудившимся*?

Послѣ шахъ Аббаса 1, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россією при Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Въ видахъ

покоренія царства, политика шаха имѣла цѣлю уничтожить религію Христа и распространеніемъ исламизма приковать къ Персіи и царей и народъ. Россія, не знавшая еще и дороги Закавказомъ, не могла подать помощи царямъ, скорбѣвшимъ подъ инвеститурою персидскою. Цари принуждены были для блага народа возлагать на себя знаки инвеституры, какъ цѣпи рабства, принимая вѣру и имя магометанскихъ властителей. Такое печальное состояніе, продолжавшееся около 160 лѣтъ, довело народъ до нравственнаго паденія. Святители церкви, и только святители, какъ стражи церкви Христовой, защитили его отъ гибели. Потрясенная нравственность, какъ укоренившаяся болѣзнь, съ трудомъ исправлялась. Обычай, нравы, музыка персовъ, изгнавшая чистоту христіанскаго ученія, потребовала жертвы, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели, увлекавшаго народъ къ поэзіи персидской, тонамъ музы лидійской. Народъ искалъ въ немъ меду и находилъ отраву. Католикосъ, неоправдываемый многими, и не безъ основанія, имѣлъ нѣкоторое пра-

во, желая направить народъ не къ чтенію забавныхъ строфъ поэта, не въ пору времени, а настроить вниманіе къ вѣщаніямъ словъ вѣры во Христа. Католикось Антоній самъ былъ поэтъ и понималъ его значеніе. Не любить Руставеля за его поэзію—не могъ. Онъ это передавалъ на словахъ и такимъ современникамъ своимъ, изъ устъ которыхъ я слышалъ во дни юности моей.

XIX.

Ошиблясь тѣ, которые пытались въ стихахъ передать красоты стиховъ Руставели. Часть такого уродливаго перевода на русскій стихами уже напечатана. Не то здѣлалъ Моль, президентъ de la Societe Asiatique á Paris съ отрывками поэта Фирдоузи въ повѣсти Рустена. Онъ перевелъ ихъ слово въ слово, строфа въ строфу, прозой поэтической. Западъ Европы не пойметъ въ стихахъ красоту поэзіи востока. Ни образы рисуемыхъ воображеніемъ картинъ, ни эпическія сцены, ни рассказы чудесъ, ни имена дѣйствующихъ лицъ—не произведутъ тѣхъ впечатлѣній, которыми увлекаются сыны востока.

Объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ текста и словъ древнихъ и названія оружіи при первомъ изданіи 1712 г. царя Вахтанга, такъ и при второмъ изданіи, неудовлетворительны, слабы. Значеніе названія оружіи, употреблявшихся въ древности, легко объясняется прекраснымъ переводомъ Рустена и вообще Фирдоуза знаменитаго Мольт (Mohl).

XX.

Таково мое мнѣніе о величайшемъ поэтѣ грузинскомъ. Въ сонмѣ гениевъ міра литературныхъ, украшающихъ племена и народы, Руставели занимаетъ высокое мѣсто. Слава его—есть слава исторіи, слава рода человѣческаго, всегда живого, постоянно движущагося впередъ, иногда болѣющаго, но никогда неумирающаго, шагающаго и стремящагося къ той цѣли, которая указана ему провидѣніемъ въ общемъ планѣ мірозданія. Угадать эту цѣль—есть дѣло науки, и по слѣдамъ науки, дѣло вѣры.

П. Иосселиани.

7 января 1870 г.,
г. Душеть.

Перепечатано изъ газеты «Кавказъ».
